

ЗОТКИНА О.Я.

**“М.М.БАХТИН И
ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА
(Проблемы бахтинологии)”. С.-Петербург, 1991.**

Сборник “М.М. Бахтин и философская культура XX века (Проблемы бахтинологии)” издан по материалам Бахтинских чтений, прошедших в Санкт-Петербурге в феврале 1991 года. Практическая недоступность сборника для широкого круга людей, которым данные материалы могли быть и интересны, и полезны, объясняется, в первую очередь, его малым тиражом — 1000 экз. Впрочем, тот факт, что среди книг, разбросанных здесь и там на коммерческих “развалах”, не увидишь книг Бахтина и о Бахтине, говорит еще о чем-то. Книга на рыночной площади — это уже в каком-то смысле карнавализованная книга. Карнавализованная, правда, не сама по себе, а скорее, в читательском восприятии. Но тем самым — и в природе смысла, рождаемого встречей читателя и текста. Карнавальное оборачивание высокого и низкого — примета времени “смены парадигм”. Но не является ли тем самым нормой для стабильной эпохи — принципиальная несовместимость этих сфер друг другу? И, понимая, что в судьбе уже созданного текста сам автор часто уже не волен участвовать (а кого не постигла ныне эта судьба — стать предметом масс-культуры!), все-таки напрашивается мысль: тексты Бахтина принадлежат сфере ценностей, которые не могут быть сведены к безличному эквиваленту и вовлечены в рыночный карнавал.

Некарнавализуемость М.М. Бахтина — и при всех попытках ввести голос Бахтина в “плюралистический” карнавал нашей нынешней философской и культурной ситуации, и при состоявшемся введении образа мыслителя в условный карнавальнй мир в “Козлиной песни” К.Вагинова — это, возможно, главная трудность для пишущих о нем. Ибо она требует ответной предельной серьезности, выбивающейся из стилистики “иронического переосмысления” (понятие У. Эко) всех и вся. Очевидно, здесь таится критерий правды в слове о М.М. Бахтине: слово это *рядом* со словом М.М. Бахтина не может быть его повторением, но еще менее вправе оно быть подменой слова Бахтина, его двойником, оборотнем — если слово это необорачиваемо.

Название сборника допускает и даже предполагает тематическую широту. И все же настораживает само явление многословия вокруг Бахтина. Именно — не разно-, а многословия, когда слово разбавляется, теряет свою плотность. Вот один пример — из статьи К.Г. Исупова: “В рамках организмической модели в философских ретортах неокантианской алхимии воссоздается древнее пра-существо — этический Андрогин мифологического детства человечества” (с. 65). Дабы не потеряться в языковом и стилевом лабиринте, попытаемся описать несколько основных “жанров” бахтинологии, представленных в сборнике.

“Проблемы бахтинологии”— понятие, требующее расшифровки. “Бахтинология”— это, наверное, наука о М.М. Бахтине, или о “феномене М.М. Бахтина”, который есть, в бахтинских терминах, ответст-

венный поступок, утверждающий единственное, уникальное единство мысли и личности. Это единство зачастую остается “регулятивной идеей”, заданием для бахтинологии. Речь идет, как правило, либо о мысли, либо об “эмпирической”, фактологической биографии. В первом случае за скобки вынесена личность, а значит — и единственность мысли. Остался теоретический конструкт, вроде бы бахтинский, а на деле — анонимный, с равным успехом могущий быть и когеновским, и буберовским, и хайдеггеровским. Отсюда — жанр “параллели”, наиболее распространенный ныне в бахтинологии: “М.М. Бахтин и X”, где X — произвольная переменная. Факт кризиса данного жанра отчетливо осознается авторами сборника. Об этом прекрасно сказано И.Л. Поповой: “Стихия диалога в слове о Бахтине поглотила самого Бахтина”.

В сборнике присутствуют и иные способы прочтения бахтинского наследия — обобщая, можно определить их как экстраполяцию методов и идей Бахтина, взятых из сферы литературоведения, на более широкие сферы постижения культуры и истории (статьи В.Л. Махлина, “Невозможный диалог: Бахтин и советская “Эстетика истории”; К.С. Пигрова “Философия новейшей истории: авантюрное время и непоправимость”; Е.А. Богатыревой и Е.В. Волковой “Идеи М. Бахтина и современная художественная ситуация”). Здесь есть глубокие, оригинальные культурологические интуиции; в статье И.Ю. Искрицкой “П. Чаадаев — О. Мандельштам — М. Бахтин (К типологии гуманитарного мышления)” — выход на удивительный символ всей культуры “серебряного века” (к сожалению, намеченный одной фразой и не получивший в этой статье дальнейшего продолжения): “Всего одна строка Мандельштама, — пишет автор статьи, — “Одиссей возвратился, пространством и временем полный...” — предельно точно выражает и суть бахтинского “хронотопа”, и концепцию личности в литературе серебряного века.” (с. 73, часть 2).

Но и в жанре “экстраполяции” мысль Бахтина существует вне его личности. Меняется контекст рассмотрения теоретических “конструктов”, философем, но не сами они в их отвлечении от единственного “события бытия” М.М. Бахтина. Наиболее интересны в сборнике архивные и документальные материалы: тексты брата М.М. Бахтина — Николая Бахтина, о творчестве которого в эмиграции и о поразительных переключениях (при отсутствии реального общения) этого творчества с мыслью брата, оставшегося в России, до сих пор было мало известно; статья О.Е. Осовского “Неслышанный диалог”: биографические и научные созвучия в судьбах Николая и Михаила Бахтиных”; статья Н.И. Николаева о “невельской школе” по материалам архива Л. Пумпянского; “Дело о Воскресении” И.А. Савкина, привлекающего некоторые, ставшие доступными, материалы из архивов КГБ. Биографическая тема начинается в эмпирике. Сегодняшний ее уровень — это уровень “момента биографии”. Что же до важнейшей проблемы бахтинологии — как реально отвечает жизнь мыслителя в ее целом за все понятое и пережитое в искусстве (добавим: в науке и в философии), — то, хотелось бы надеяться, разрешение ее — в будущем. Поспешность в суждениях о “феномене Бахтина” как целом чревата односторонней запелляционностью, то есть — переиначиванием смысла, его подменной. Так, и поныне бытует возникшее еще в 60-ые гг. упрощенное, “наивно-догматическое” (В.Н. Турбин) понимание бахтинской кон-

цепции карнавала. Оно тяготеет к представлению этой концепции некоей апологией карнавала, противопоставляемого традиционной, “канонической” культуре. Такое понимание и является, на наш взгляд, источником “двоящегося образа” М.М. Бахтина. “При подобной трактовке, — замечает В.Н. Турбин, — исключается мистическая, духовная сущность карнавала, карнавала как проявления соборного изумления людей перел открывшимися им странностями и благами земного материального мира”. (часть 2, с. 102). Так не из молчаливого ли отстранения от двусмысленного действия, не из той ли, некарнавализуемой, точкой серьезности и ответственности бытия-поступка только и возможно созерцание карнавала — как карнавала?

Повторим вслед за В.Н. Турбиным: “Бахтин эзотеричен”. Личность М.М. Бахтина не столько раскрыта, сколько скрыта от нас его языком. Слово Бахтина противится переводу его на средний, “эквивалентный” язык. Глубинный опыт философа осуществляется в языке, но еще более — за гранью языка: дальнейшее — молчание. “Феномен Бахтина” — тайна, остающаяся тайной, сколь бы мы ни продвигались в его понимании. Рецензируемый сборник — тому свидетельство. За что его авторам и премногая благодарность.